

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 29—40
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.3

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 29—40
ББК 60.562.6
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.3

«COLD WARRIORS» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: РЕЦЕПЦИЯ КИНООБРАЗОВ МАСКУЛИННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Т. Б. Рябова^{a, b}, Е. В. Панкратова^{a, c}

^a Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^c Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

На основании фокус-групповых интервью, проведенных в Санкт-Петербурге и Иваново в 2018 г., рассматривается восприятие современными россиянами тех образов американской военной маскулинности, которые были созданы в кинематографе СССР и США периода холодной войны. Сначала анализировались представления россиян о кинематографических образах американских военных, затем они сравнивались с оценками этих образов после просмотра стимульного материала — фрагментов советских и американских фильмов изучаемого периода («Юнга со шхуны “Колумб”», «713-й просит посадку», «Красный рассвет» и др.). Установлено, что информанты имеют устойчивые и разделяемые большинством представления о том, как кинематограф холодной войны изображал военных США. Выявлено, что в результате просмотра 1) возросла эмоциональность оценок кинообразов военных; 2) усилилась идентификация информантов с советским прошлым и образы американских военных стали интерпретироваться через призму противостояния «своих» и «чужих»; 3) оценка образов американских военных стала более нюансированной. При этом образ американского военного в советских фильмах российские респонденты воспринимали как более правдивый и чаще соглашались с его трактовкой. Представления информантов были достаточно гомогенными, они не зависели от их пола, образования, места проживания и даже от политических предпочтений. Фактором, дифференцирующим мнения информантов, в значительной мере выступил их возраст.

Ключевые слова: образ США, холодная война, маскулинность, образ военных, кинематограф СССР, кинематограф США, образ врага, российско-американские отношения.

© Рябова Т. Б., Панкратова Е. В., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

**THE “COLD WARRIORS” IN THE EYES
OF CONTEMPORARY RUSSIANS’:
TODAY’S RECEPTION OF COLD WAR CINEMATIC IMAGES
OF U. S. MILITARIES’ MASCULINITY**

T. B. Riabova^{a, b}, E. V. Pankratova^{a, c}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

^c Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Based on focus-groups, conducted in Saint Petersburg and Ivanovo in November 2018, the paper examines the contemporary Russians’ reception on the images of U. S. militaries’ masculinity that were created by the Soviet and American films. The authors, at first, analyze the informants’ views on cinematic images of U. S. militaries, then, compare them with evaluations of these images after the screening the fragments of the Cold War movies (“Red Dawn”, “The Russians are Coming! The Russians are Coming!”, “713 Asks for Landing”, “A Cadet from the Schooner «Columbus»”, and others). The informants had stable and shared beliefs about how Soviet and American cinema represented U. S. militaries’ masculinity. After screening the fragments of movies the informants’ evaluations have changed: 1) they gave strong emotional response; 2) the informants started to identify themselves stronger with the Soviet past; 3) their evaluations became more nuanced. They considered the image of the American militaries created by Soviet movies more truthful that created by U. S. films. The informants’ attitudes varied depending on only their age (their gender, education, place of residence, and political preferences were not important).

Key words: the image of the USA, Cold War, masculinity, the image of militaries, Soviet cinema, American cinema, images of the enemy, Russian-American relations.

Маскулинность американских военных в дискурсе холодной войны

Термин «Cold warrior» — «воин холодной войны» — появился в 1950-х гг. Прежде всего он связан с армией и прочими, говоря современным языком, силовыми структурами, однако в число «воинов холодной войны» нередко помещают также политиков, дипломатов, деятелей культуры. Как правило, этим термином называют американских сторонников жесткой линии в отношении СССР, «ястребов» (хотя встречается использование этого термина по отношению к советской стороне, напр.: [Pechatnov, 2014]). При этом, как показано в ряде исследований, он служил для обозначения традиционной маскулинности, включая такие стереотипно мужские качества, как сила, агрессивность, жесткость, приоритет рационального над эмоциональным, решительность, храбрость [Clark, 2000; Baker, 2006; Kuklick, 2015; Starck, 2016] (об образе американского военного в современном американском кино см. также: [Щеголихина, 2003]). Этот образ был значимым элементом советско-американской конфронтации

как «борьбы за сердца и умы». Пропаганда США использовала его для демонстрации превосходства американской маскулинности над советской, а также преимуществ гендерного порядка «свободного мира», основанного на частной собственности и индивидуализме (см., напр.: [Belmonte, 2008]). В советской пропаганде в образах «американской военщины» акцентировались такие черты, как жестокость, безжалостность, бессовестность, культ доллара, убожество мировоззрения, в котором центральное место занимали антикоммунистические и расистские предрассудки. Образ американского супермена, в котором видели наследника сверхчеловека как составной части идеологии нацизма, расценивался в качестве идеологического оружия поджигателей новой войны. Заслуживает внимания тот факт, что термин «настоящий мужчина» в советской культуре, по крайней мере в первые два десятилетия холодной войны, рассматривался как идеологически чуждый; его использование было призвано показать ущербность создаваемой Голливудом американской маскулинности, которая находила выражение прежде всего в образах военных [Рябов, 2018].

Маскулинность военных в дискурсе любой конфронтации занимает особое место — по понятным причинам¹. Что касается холодной войны, то хорошо известна характеристика, которую С. Энлоэ дала данному конфликту: это — в том числе — поединок за определение, какой должна быть образцовая мужественность и женственность [Enloe, 1993: 18—19]. Исследования роли гендерных аспектов образа врага в культуре холодной войны выявили, что, с одной стороны, конфронтация двух сверхдержав в этот период выступала важным фактором установления гендерного порядка в советском и американском обществах, с другой — репрезентации маскулинности и фемининности играли роль оружия холодной войны, становясь весомым аргументом в пресловутой борьбе за сердца и умы. Особый интерес у ученых вызывают те образы маскулинности, которые создавались кинематографом (напр.: [Corkin, 2004; Starck, 2013; Riabov, 2017; Рябов, 2018; Рябова, 2018])². Однако вопрос о том, как эти образы воспринимаются сегодня, почти не исследовался. Между тем это актуально еще и потому, что мы видим попытки использования данных кинообразов в современной символической политике — в том числе в контексте нынешнего обострения отношений между Россией и странами Запада, когда говорят о «новой холодной войне» [Рябова, 2018].

Для решения задачи исследования рецепции кинообразов холодной войны в современной России было проведено фокус-групповое интервью. Метод был выбран по причине возможности использования стимульного материала, в качестве которого выступили фрагменты советских и американских фильмов периода холодной войны. В четырех фокус-групповых интервью, проводившихся

¹ Армия относится к тем социальным институтам, в рамках которых активно транслируются гендерные нормы [Bourdieu, 2001: 83; MacKinnon, 2003: 11]. Исследователи полагают, что в эпоху модерности война играет важнейшую роль в определении того, что значит «быть мужчиной» на символическом, институциональном и телесном уровнях, а образ настоящего мужчины постоянно соотносится с образом воина [Goldstein, 2001; Hooper, 2001: 81].

² Напомним, Р. Коннелл отмечает, что роль икон гегемонной маскулинности часто играют киноактеры [Connell, 1995: 77].

в городах Санкт-Петербург³ и Иваново в ноябре 2018 г., приняли участие 29 информантов, которые были разделены по возрасту на старшее (от 45 лет) и младшее поколение (от 18 до 29 лет). Среди информантов были женщины и мужчины с разными уровнями образования и политическими предпочтениями.

В настоящей статье анализируются оценки сегодняшней аудиторией кинорепрезентаций маскулинности американских военных периода холодной войны. Стимульным материалом послужили фильмы холодной войны, в которых фигурировали образы военных — «своих» и «чужих». Среди американских картин был отобран, в частности, фильм «Красный рассвет» (реж. Дж. Милиус, 1984), в котором повествуется о вторжении Советской армии в США и сопротивлении захватчикам американских подростков. В США фильм с самого начала получил противоречивые рецензии, однако со сборами 38,4 млн долл. он занял довольно высокое 19-е место в кинопрокате 1985 г.; до сих пор фильм демонстрируется на американских телеканалах, что показывает его возможность влиять на политические представления современных американцев. Другой анализируемый американский фильм — комедия «Русские идут! Русские идут!» (реж. Н. Джуисон, 1966), действие которой также связано с внезапным появлением в маленьком американском городке на берегу океана советских моряков, чья подводная лодка села на мель. Фильм получил два «Золотых глобуса» и пять номинаций на «Оскар», в том числе за лучший сценарий.

Советскими фильмами, выступившими в качестве стимульного материала, стали «713-й просит посадку» (реж. Г. Никулин, 1962) и «Юнга со шхуны “Колумб”» (реж. Е. Шерстобитов, 1963). В картине Г. Никулина, считающейся первым советским фильмом-катастрофой (11-е место в кинопрокате 1962 г. со сборами 27,9 млн руб.), одна из сюжетных линий связана с поведением в критической ситуации американского морского пехотинца. Вторая картина, предназначенная детской и юношеской аудитории, представляет собой шпионский триллер, в котором показывается, как советские дети помогают пограничникам обезвредить заброшенных в страну иностранных диверсантов. Картина не вошла в рейтинг самых посещаемых в год выхода на экраны, однако до сих пор присутствует в сетках вещания телеканалов как популярный фильм для детей. Многие наши информанты из старшей возрастной группы смотрели его в детстве.

Обратимся теперь к мнениям о мужественности американских военных, высказанным в ходе фокус-группового интервью. Для того чтобы отделить свежие впечатления от устойчивых стереотипных представлений, до просмотра стимульного материала мы спрашивали, как, по мнению информантов, изображали военных США в кинематографе обеих стран.

До просмотра фрагментов фильмов представления о том, как выглядел военный США в советском кино, вполне соответствовали стереотипу американца, распространенному сегодня в российском обществе. По мнению информантов, он должен был изображаться черствым и равнодушным ко всему, что не связано с его личной финансовой выгодой.

³ Благодарим С. В. Смаль (РГПУ им. А. И. Герцена) за работу с информантами в Санкт-Петербурге.

Безразличие. Если не мой это соотечественник, я ему и помогать не буду. Там ребенок — не ребенок... Никакой помощи не окажет, мимо может пройти (Елена, 58 лет).

Они [американцы] немотивированные. Вернее, мотивированные исключительно с финансовой стороны. Но когда дело доходит до боя, то какая разница — есть у тебя деньги или нет (Ислам, 21 год).

Большое значение информанты придавали внешнему виду американских военных; по их мнению, как и все американцы, они должны выглядеть в этих фильмах прекрасно экипированными, подтянутыми, лощеными.

Оценки мужественности американских военных разделились. Большинство опрошенных из молодежных групп были уверены, что американский военный в советском кино не мог соответствовать стандарту «настоящей мужественности», скорее, он должен был изображаться «трусом» и «слабаком». Однако большая часть информантов из старших возрастных групп были другого мнения: образ слабого врага девальвировал бы победу советского воина в холодной войне, поэтому и те и другие в кино должны были быть представлены мужественными.

Если бы мы победили какого-то немужественного труса, идиота и так далее, то грош цена была бы нашим победам. Надо было изображать и тех и других мужественными (Александр, 48 лет).

«Американская военщина» в советском кино: взгляд участников фокус-групп

Мы хотели бы подчеркнуть, что при оценке образа американской военной маскулинности информанты противопоставляли ему кинорепрезентации мужественности советской, о которой они имели достаточно ясное представление: в советском кино военные изображались бескорыстными, стойкими, мужественными, преданными своей Родине... Информанты подчеркивали демонстрацию готовности советских военных жертвовать собой, их патриотизма и коллективизма.

Товарищ всегда важнее, чем ты (Дмитрий, 19 лет).

В советских фильмах герои более самоотверженные... готовы отдать жизнь, не сомневаясь. За Родину, за товарищей (Петр, 24 года).

Просмотр фрагментов советских фильмов, где фигурировали образы американских военных, в значительной степени изменил точку зрения информантов о позиции советского кино. Образ морского пехотинца (эталон мужественности в американской массовой культуре), сыгранный В. Высоцким в фильме «713-й просит посадку», был интерпретирован информантами как однозначно негативный. Они отметили, что авторы фильма, показывая героя в критической ситуации, наделили его трусостью, паникерством, глупостью, излишней эмоциональностью, ненадежностью, отсутствием самообладания и мужества.

Выставляет себя героем, но когда доходит до аварии самолета, то он трус (Герман, 65 лет).

Опрошенные, тем не менее, видели в образе морского пехотинца и черты традиционной мужественности, например уверенность в себе, решительность. Однако эта решительность оценивается ими как «наглость», «агрессивность», «самоуверенность», «стремление к превосходству над другими». Морпех пытается решить возникшую критическую ситуацию, но зрители, как считают информанты, видят прежде всего его эгоизм, жестокость, бессердечие по отношению к другим.

Просто ему хочется спастись любым способом. <...> ...Переступит через любого ради своих интересов (Александр, 65 лет).

Такая интерпретация становится возможной по причине амбивалентности стереотипа, позволяющей оценивать явление с разными знаками и использовать стереотип в соответствии с актуальными интересами субъекта стереотипизации (см. подробнее: [Рябова, Романова, 2012]). Поэтому образы военных США показывают другой вариант конструирования гендерной девиантности «чужих», и информанты это понимают, предлагая такие формулировки, как «неправильная мужественность», «излишняя мужественность». Отметим также важную характеристику образа морпеха, прозвучавшую во всех фокус-групповых интервью: он крайне неуважительно относится к девушке («негалантный», «хам», «охотник до женщин» и т. д.).

Оценивая взгляд советского кинематографа на американских военных, участники интервью подчеркнули, что столь негативный образ мужественности можно считать утрированным и потому неправдоподобным.

Еще одним советским фильмом, фрагменты которого просмотрели информанты, стала кинокартина «Юнга со шхуны “Колумб”». Среди его главных отрицательных персонажей — высокопоставленный представитель иностранных спецслужб, командующий операцией по спасению диверсантов из территориальных вод СССР. Его национальная принадлежность авторами картины не указывается, но, что примечательно, информанты уверенно маркируют его как американца, в частности по манерам — характерной привычке отдыхать, положив ноги на стол.

Оценивая личность офицера, приказывающего спасти своих разведчиков из советских территориальных вод, значительная часть информантов характеризовала его как мужественного и решительного, уверенного в себе, нарушающего нормы международного права, но «ради дела», «ради своей страны», «по военному приказу». Однако эти оценки резко изменились после просмотра сцены нападения огромного корабля на маленькую шхуну с советскими детьми и стариком, на помощь которым в итоге приходит советская подводная лодка. Подчеркнем, информанты были солидарны в негативных оценках поведения американца: он «беспринципен», нападая на детей, коварен, самоуверен, жаден настолько, что готов жертвовать своими людьми ради получения информации, за которую обещано крупное вознаграждение. При этом вся его храбрость оказывается показной: при столкновении с реальным противником в лице советских военных моряков и летчиков он отступает и пытается бежать, да еще перекладывая ответственность на других.

Пока американский офицер напал на шхуну с детьми, он был строгим, уверенным в себе и мужественным. А во время появления советских кораблей у него появились испуг и паника (Яна, 18 лет).

Сначала уверенный в себе и наглый, а потом — трусливый, слабый и беспомощный (Татьяна, 61 год).

**«Cold warriors» в американском кино:
взгляд участников фокус-групп**

Теперь обратимся к вопросу о том, как информанты оценивали образы американской маскулинности в кинематографе США. До просмотра стимульного материала они высказали предположение, что в голливудских кинолентах американцы изображались отважными, мужественными, всемогущими, патриотами.

...Один целое войско может положить (Дмитрий, 19 лет).

Героические защитники своей родины (Герман, 65 лет).

В отличие от бедно одетых и даже неопрятных советских военных они выглядят прекрасно одетыми, экипированными.

Все обвешаны оружием (Сергей, 60 лет).

У них там черный блеск... пуговицы все застегнуты... (Тамара, 65 лет).

Однако этот образ вызывал негативную реакцию, поскольку такая мужественность характеризовалась, особенно представителями старшей группы, как ненастоящая, «внешняя» («гора мускулов» и т. д.). Отрицательную оценку у информантов, прежде всего молодых, вызывает даже патриотизм американских военных как слишком акцентированный. По их мнению, высказанному до просмотра фильмов, советские военные изображались как кровожадные и безжалостные и при этом неспособные одержать победу.

Интересно, что, оценивая образы советских военных в американском и советском кино (как до просмотра фрагментов фильмов, так и после него), информанты пытались «поместить» их в категорию мужественности, однако испытывали сложности, как и в случае с «решительностью» американского морпеха, обсуждаемом выше. В одной из групп (молодежь до 30 лет) возникла целая дискуссия, которая закончилась признанием того, что, хотя они изображались мужественными, эта мужественность, выражающаяся в жестокости и агрессивности, принципе «все дозволено», является специфичной.

...Американцев показывали мужественными, а русских... и вообще всех коммунистов показывали чрезмерно агрессивными (Ислам, 21 год).

Таким образом, представления об амбивалентности девиантности «чужой» маскулинности сработали и в этом случае.

Популярный американский фильм «Красный рассвет» посвящен борьбе американских школьников против вторгнувшихся в США советских и кубинских десантников. Американцы большинством информантов были охарактеризованы как смелые защитники своей родины, как герои, которые «стоят до конца» и «даже поют во время расстрела». Они поддерживают друг друга, готовые на все ради победы своей страны и при этом человечные, способные сочувствовать чужому

горю. Стоит подчеркнуть, информанты заметили, что образы американцев в этом фильме не являются схематичными, персонажи предстают с разными характерами и разными эмоциями, они могут себе позволить минутную слабость, которую, однако, потом непременно преодолеют, в отличие от советских военных, образы которых, как отмечали информанты, являются гомогенными («все одинаковые» и т. д.). Это полностью укладывается в теорию стереотипизации «чужого»: образ врага не только негативен, но и схематичен.

Обсуждение кинорепрезентаций советских военных в картине, которую большинство информантов увидели впервые, вызвало сильную эмоциональную реакцию. Информанты отмечали, что советских солдат и офицеров изображают как агрессивных, жестоких, нарушающих все мыслимые моральные нормы и каноны человечности. Особое возмущение вызвал эпизод фильма, где советские солдаты пытаются изнасиловать американских школьниц (приведем характеристику одного из информантов, не раз повторившуюся в других группах, — «оккупанты, похожие на фашистов», что, конечно же, для аудитории является совершенно неприемлемым)⁴.

Советские — ведут себя как оккупанты, сравнивать их можно с фашистами, которые никого не жалеют (Герман, 65 лет).

Другим американским фильмом, который обсуждался, стала картина «Русские идут! Русские идут!», считающаяся одним из немногих фильмов холодной войны, где советско-американское противостояние показано более сбалансированно. Примечательно, что участники нашего интервью не согласились с тем, что кинорепрезентация советских военных является здесь позитивной.

Еще один вопрос, который интересовал нас в исследовании, — степень идентификации современных россиян с советскими образами: задевают ли их образы советского агрессора в американском кино. Одним из индикаторов идентификации выступало для нас постоянное употребление местоимения «наши» в отношении советских персонажей фильмов. Это делали даже те молодые информанты, которые в ответ на прямой вопрос о том, обижает ли их такой образ советского солдата, смеялись и указывали, что советские и российские граждане — это разные вещи. Одна группа молодежи сама попросила модератора для краткости употреблять вместо слова «советские» слово «наши». Информанты из старших групп не только проецировали все вопросы на свой жизненный опыт, но давали четкую оценку (такие фильмы, как «Красный рассвет», «нас задевают», «нас оскорбляют»). Высокий уровень идентификации у старших информантов проявлялся и в том, что вместо описания содержания образов они эмоционально обсуждали, сможет или нет советский корабль защитить детей от американского агрессора (реакция участников фокус-групп: «Корабль сейчас раздавит их...», «беззащитных детей...», «А потом — раз и наши!», «Красота!!!»).

Наконец, отметим, что, сравнивая советский и американский кинематографы, большинство интервьюируемых высказали убежденность, что первый был гораздо более гуманен в изображении врага, чем второй.

⁴ Американская пропаганда холодной войны активно использовала образы советских мужчин как насильников. О функциях образа врага-насильника в политической риторике см.: [Riabova, Riabov, 2019].

В советских фильмах американские военные хотят украсть какую-то информацию, а не захватить и убить людей, они, в общем-то, враги, но нет такой кровожадности, такого образа врага, с ненавистью нарисованного (Анна, 21 год).

Советские режиссеры американского врага изображают помягче. Американцы русских выставляли какими-то животными, зверьми, бесчеловечными (Дима, 19 лет).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что участники фокус-групп имели устойчивые и разделяемые большинством представления об американских военных и об их репрезентациях в кино обеих стран; фильмы, фрагменты которых были показаны, видели далеко не все. Основные изменения во мнениях и оценках информантов после просмотра стимульного материала были следующими.

Во-первых, резко возросла эмоциональность оценок кинообразов как американских, так и советских военных. Образ советского военного в американском фильме вызывал резкое неприятие, что соответствует принципу ингруппового фаворитизма, предпочтению «своих» перед «чужими»; при этом самоидентификация с советскими солдатами и офицерами была заметной. Во-вторых, можно говорить об идентификации современных россиян с советским прошлым: образы американских военных они интерпретируют через призму противостояния «своих» и «чужих». В-третьих, после просмотра фильмов оценка образов американских военных стала более нюансированной; информанты отмечали карикатурность, одномерность образов врага не только в американских, но и в советских фильмах. При этом образ американского военного в советских фильмах российские респонденты воспринимали как более правдивый и чаще соглашались с его трактовкой.

В ходе исследования было установлено, что представления информантов были достаточно гомогенными, они почти не зависели от их пола, образования, места проживания и политических предпочтений; фактором, в значительной мере дифференцирующим мнения информантов, выступил их возраст.

Кроме того, важную роль в восприятии информантами американских киногероев холодной войны играла оценка маскулинности военных США, которая, что хотелось бы подчеркнуть особо, связана с противопоставлением ее мужественности советских солдат и офицеров. Можно также предположить, что представления россиян о маскулинности американских военных в кинофильмах той эпохи являются частью современного антиамериканизма. Она оценивается в негативных категориях стереотипа американца (и в целом — Запада), распространенного сегодня в российском обществе. При этом данные качества противопоставляются тем, которые составляют содержание автостереотипа россиян⁵.

⁵ Об образе современной западной маскулинности в публичном дискурсе и социальных представлениях россиян см.: [Riabova, Riabov, 2019; Рябова, Романова, 2012].

Библиографический список

- Рябов О. В.* «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946—1963) // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2. С. 89—103.
- Рябова Т. Б.* «Белое солнце Пальмиры»: маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 36—48.
- Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 21—35.
- Щеголихина С. Н.* Образ американского военного в художественных фильмах Голливуда // *Метаморфозы истории*. 2013. № 4. С. 332—351.
- Baker B.* *Masculinity in Fiction and Film: Representing Men in Popular Genres, 1945—2000*. London: Continuum International Publishing Group, 2006. 176 p.
- Belmonte L. A.* *Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
- Bourdieu P.* *Masculine Domination*. Stanford (CA): Stanford University Press, 2001. 133 p.
- Clark S.* *Cold Warriors: Manliness on Trial in the Rhetoric of the West*. Illinois: Southern Illinois University Press, 2000. 239 p.
- Connell R. W.* *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995. 295 p.
- Corkin S.* *Cowboys as Cold Warriors: the Western and U. S. History*. Philadelphia: Temple University Press, 2004. 273 p.
- Enloe C. H.* *The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley: University of California Press, 1993. 326 p.
- Goldstein J. S.* *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 523 p.
- Hooper C.* *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*. New York: Columbia University Press, 2001. 298 p.
- Kuklick B.* Tradition and diplomatic talent: the case of the cold warriors // *Recycling the Past: Popular Uses of American History* / ed. by L. Zenderland. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 116—132.
- MacKinnon K.* *Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media*. London: Arnold, 2003. 134 p.
- Pechatnov V.* How Soviet Cold Warriors viewed World War II: the inside story of the 1957 edition of the Big Three correspondence // *Cold War History*. 2014. Vol. 14, № 1. P. 109—125.
- Riabov O.* Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 193—219.
- Riabova T., Riabov O.* The «Rape of Europe»: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52, № 2. P. 145—154.
- Starck K.* The early cold warrior on screen: an all-purpose signifier? // *Post-World War II Masculinities in British and American Literature and Culture: Towards Comparative Masculinity Studies* / ed. by S. Horlacher, K. Floyd. Routledge, 2013. P. 15—34.
- Starck K.* *Of Treason, God and Testicles: Political Masculinities in British and American Films of the Early Cold War*. Newcastle upon Tyne (UK): Cambridge Scholars Publishing, 2016. 240 p.

References

- Baker, B. (2006) *Masculinity in Fiction and Film: Representing Men in Popular Genres, 1945—2000*, London: Continuum International Publishing Group.
- Belmonte, L. A. (2008) *Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bourdieu, P. (2001) *Masculine Domination*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Clark, S. (2000) *Cold Warriors: Manliness on Trial in the Rhetoric of the West*, Carbondale, Illinois: Southern Illinois University Press.
- Connell, R. W. (1995) *Masculinities*, Cambridge: Polity Press.
- Corkin, S. (2004) *Cowboys as Cold Warriors: The Western and U. S. History*, Philadelphia: Temple University Press.
- Enloe, C. H. (1993) *The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War*, Berkeley: University of California Press.
- Goldstein, J. S. (2001) *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooper, C. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.
- Kuklick, B. (2015) Tradition and diplomatic talent: The case of the cold warriors, in: Zenderland, L. (ed.), *Recycling the Past: Popular Uses of American History*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 116—132.
- MacKinnon, K. (2003) *Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media*, London: Arnold.
- Pechatnov, V. (2014) How Soviet Cold Warriors viewed World War II: The inside story of the 1957 edition of the Big Three correspondence, *Cold War History*, vol. 14, no. 1, pp. 109—125.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2018) “Kak khorosho, chto naiavu ia ne v Amerike zhivu!” Obraz SShA v gendernom diskurse sovetskoĭ mul'tiplikatsii (1946—1963) [“I am so glad I don't live in America in real life!” The image of the USA in gender discourse of Soviet animation (1946—1963)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—103.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 145—154.
- Riabova, T. B. (2018) “Beloe solntse Pal'miry”: Maskulinnost' kinogeroev Kholodnoĭ voĭny v sovremennoĭ simvolicheskoi politike [“The white sun of Palmira”: The Cold War cinematic masculinities in contemporary symbolic politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 36—48.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Gendernoe izmerenie sovremennogo rossiiskogo anti-amerikanizma: (K postanovke problemy) [Gender dimension of modern Russian Anti-Americanism: (To the statement of the problem)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Shchegolikhina, S. N. (2013) Obraz amerikanskogo voennogo v khudozhestvennykh fil'makh Gollivuda [The image of the American military in feature films of Hollywood], *Metamorfozy istorii*, no. 4, pp. 332—351.
- Starck, K. (2013) The early cold warrior on screen: an all-purpose signifier?, in: Horlacher, S., Floyd, K. (eds), *Post-World War II Masculinities in British and American Literature and Culture: Towards Comparative Masculinity Studies*, Routledge, pp. 15—34.
- Starck, K. (2016) *Of Treason, God and Testicles: Political Masculinities in British and American Films of the Early Cold War*, Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Dr. Sc. (Sociology), Senior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Панкратова Екатерина Владимировна — исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Grant Contractor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).